

анбар и погреб заглянуть, -/ Хозяйки глаз повсюду нужен:/ Он вмиг заметит что-нибудь» («Граф Нулин», 1825).

Итак, Пушкиным были усвоены и возведены в ранг неукоснительного образца практически все элементы романтической системы версификации. Вместе с тем поэт, верный своему обыкновению придерживаться античного правила «ничего слишком», стремился использовать их строго функционально и приспособить в дальнейшем для решения не только чисто романтических, но и реалистических художественных задач.

1. Пушкин А.С. О поэзии классической и романтической, 1825 //Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 1 т. - М., 1949.
2. Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. – М., 1984.
3. Томашевский Б.В. Пушкин.— М.; Л., 1956. — Кн. 1.

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЮЖНОЙ ЛИРИКОЙ ПУШКИНА

С.Б.Федотова

(научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Россия)

Статья посвящена проблеме атрибуции одного з чорнових пушкінських віршів «(Если) с нежной красотой...» (1821).

The article is devoted to the problem of attribution of one of Pushkin's draft poems «(Esli) s nezhnoi krasotoi...» (1821).

Черновой отрывок «(Если) с нежной красотой...», находящийся в одной из тетрадей, в которых Пушкин работал на юге (ПД 830, л. 45), был написан, вероятно, в марте 1821 г. в Кишиневе. Впервые он был прочтен и опубликован С. М. Бонди в его книге «Новые страницы Пушкина» (М., 1931).

По поводу адресата стихотворения существует несколько точек зрения. Первая принадлежит тому же Бонди, который предположил, что набросок адресован Пульхерии Егоровне Варфоломей (1802–1868), дочери Е. К. и М. Д. Варфоломеев, кишиневских знакомых Пушкина (1, 78–80). По мнению С. А. Кибальника, отрывок обращен к Екатерине Николаевне Раевской (1797–1885), с именем которой, возможно, связан ряд пушкинских стихотворений 1820–1821-х гг.: «К***» («Зачем безвременную скуку...»), «Увы! зачем она блистает...», «Редет облаков летучая гряда...», «Красавица перед зеркалом» (2, 181–193). С. А. Фомичев высказал предположение о том, что альбомные стихи предназначались Аглае Антоновне Давыдовой (1787–1842), супруге А. Л. Давыдова, знакомой Пушкина по Каменке и Киеву (3, 44). Все три имени, вероятно, упоминаются в так называемом «Дон-Жуанском списке» Пушкина: «Катерина III», «Аглая» и «Пульхерия» (4, 265, 268).

Остановимся подробнее на каждой из этих точек зрения. Предположение С. М. Бонди основывалось на том, что Пушкин часто бывал в кишиневском доме Варфоломеев в 1820–1823 гг. Имя Пульхерии Варфоломей встречается в воспоминаниях друзей и знакомых Пушкина (В. П. Горчакова, А. Ф. Вельтмана, И. П. Липранди и др.) в ряду кишиневских красавиц, пленявших сердце поэта. Так, А. Ф. Вельтман писал о ней: «Пульхерица была полная, круглая, свежая девушка; она любила говорить более улыбкой, но это не была улыбка кокетства, нет, это просто была улыбка здорового, беззаботного сердца. <...> Пушкин особенно ценил ее простодушную красоту и безответное сердце, не ведавшее никогда ни желаний, ни зависти. <...> Добрая, таинственная девушка ему нравилась, нравилось и гостеприимство хозяев. Пушкин посвятил несколько стихов Пульхерице,

которые я, однако же, не припомню» (5, 276, 278). По мнению Бонди, в стихотворении «(Если) с нежной красотой...» есть черты, «как будто намекающие именно на Пульхерию Варфоломей. Вельтман, описывая ее, подчеркивает в ней соединение здоровья, красоты и крайнего добродушия, безобидности. О том же говорит и стихотворение Пушкина, слегка иронизирующее над крайней добротой, “чувствительностью” красавицы, которой “тяжко” даже помнить или “видеть пред глазами” имена своих жертв» (1, 79–80). Видимо, в выборе адресата С. М. Бонди последовал за Л. Н. Майковым, который, опираясь на те же самые воспоминания А. Ф. Вельтмана, считал, что П. Е. Варфоломей посвящено пушкинское стихотворение «Дева» (1821) (6, 106).

То, что Пушкин пережил увлечение П. Варфоломей, не вызывает сомнения. Однако, если внимательно прочесть воспоминания Вельтмана, складывается впечатление, что Пульхерица была красивой, но бесчувственной девушкой, поэтому вряд ли пушкинское стихотворение адресовано ей. «...Сердца ее никто не находил, – пишет А. Ф. Вельтман, – может быть, его и не было, или, по крайней мере, оно было на правой стороне, как у анатомированного в Москве солдата. <...> Все движения, которые она делала, могли быть механическими движениями автомата» и т. д. (5, 276–277). Кроме того, Пушкин увлекся Пульхерией, вероятно, не в 1821 г., а позднее. Так, в письме от 22 октября – 4 ноября 1823 г. из Одессы он просил Ф. Ф. Вигеля передать Пульхерии Варфоломей, что «влюблен в нее без памяти» (7, 73). По свидетельству В. П. Горчакова, «в 1823 году еще Пушкин не без восторга выражался о Пульхерице» (8, 25). Впрочем, и сам С. М. Бонди считал свои соображения не бесспорными, хотя впоследствии они были приняты большинством исследователей.

Вряд ли адресатом пушкинского стихотворения «(Если) с нежной красотой...» могла быть Аглая Давыдова, с именем которой связывают ряд его сатирических стихов и эпиграмм 1820–1822-х гг. – «Кокетке» (1821), «A son amant glé sans résistance...» (1821), «Оставляя честь судьбе на произвол...» (1821), «Иной имел мою Аглаю...» (1820–1822) и др. Роль «инфернальной “блудницы”», которая, по словам Б. М. Гаспарова, выпала на долю А. А. Давыдовой (9, 194), далека от образа чувствительной и нежной красавицы, упоминаемой в пушкинском отрывке.

Предположение С. А. Кибальника о том, что стихотворение «(Если) с нежной красотой...» обращено к Ек. Н. Раевской, кажется нам наиболее вероятным, хотя оно и не аргументировано исследователем. С. А. Кибальник лишь отмечает в этих стихах «попытку освободиться от какого-то “страдания”», а именно – от безответного увлечения Екатериной Раевской (2, 193). Чтобы понять, каким образом данный отрывок может быть связан с именем старшей дочери генерала Раевского, необходимо обратиться к крымскому периоду в жизни поэта.

Известно, что Пушкин прибыл в Гурзуф 18 августа 1820 г. вместе с генералом Н. Н. Раевским, его сыном Николаем и младшими дочерьми – Марией и Софьей. Здесь их встречали жена генерала и две старшие дочери – Екатерина и Елена. В кругу семьи Раевского поэт провел в Крыму три недели и уже 5 сентября отправился к месту своего нового назначения – в Кишинев, откуда 24 сентября писал брату: «Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского. <...> Все его дочери – прелесть, старшая – женщина необыкновенная. Суди, был ли я счастлив: свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства; жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался – счастливое полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение – горы, сады, море; друг мой, любимая моя надежда (есть) увидеть опять полуденный берег и семейство Раевского» (7, 19). Крымские впечатления оказались чрезвычайно важными для пушкинского творчества. К этому времени восходят его многие замыслы, реализованные позднее. Отчасти плодотворность этого короткого пребывания поэта в Крыму (всего несколько недель) была связана и с его новым увлечением одной из дочерей генерала Раевского.

Так, в пушкинских элегиях, написанных в Гурзуфе и вскоре после отъезда из Крыма, появляется «образ милой девы»:

*Смотрю на все ее движенья,
Внимаю каждый звук речей –
И миг единый разлученья
Ужасен для души моей.*
(«Увы! зачем она блистает...», 1820 (10, 143))

*Тогда изгнаньем и могилой,
Несчастный! будешь ты готов
Купить хоть слово девы милой,
Хоть легкий шум ее шагов.*
(«К***» («Зачем безвременную скуку...», 1820 (10, 144))

*Над морем я влачил задумчивую лень,
Когда на хижины сходила ночи тень –
И дева юная во мгле тебя искала
И именем своим подругам называла.*
(«Редает облаков летучая гряда...», 1820 (10, 157))

Предмету крымской «утаенной любви» Пушкина посвящено множество биографических изысканий. И это не случайно: поэт, не скрывая своей романтической влюбленности, тщательно скрывал не только имя своей героини, но даже обстоятельства, которые могли подсказать его. Не останавливаясь подробно на освещении этой темы, укажем только на то, что большинство исследователей «утаенной любовью» поэта в Крыму склонны считать Екатерину Раевскую (11, 7–33).

Черновой автограф стихотворения «(Если) с нежной красотой...» находится в тетради ПД 830 сразу же после черновых набросков стихотворения «Кто видел край, где роскошью природы...», после знака концовки (л. 45). Характер почерка и цвет чернил указывают на то, что работа на этом листе, скорее всего, велась над обоими текстами в одно время – предположительно в марте 1821 г.

Как отмечено Б. В. Томашевским, в одной из редакций стихотворения «Кто видел край, где роскошью природы...» вновь соединились «темы гурзуфского пейзажа и безымянной любви» (12, 218).

*Кто видел край, где роскошью природы
Оживлены дубравы и луга,
Где весело шумят <и> блещут воды
И мирные ласкают берега,
Где на холмы под лавровые своды
Не смеют лечь угрюмые снега?
(Скажите мне: кто видел край прелестный,
Где я любил, изгнанник неизвестный?) (10, 190)*

Однако при дальнейшей переработке стихотворения в «третьей кишиневской» тетради ПД 833 (л. 25) последние две строки, указывающие на реальные биографические черты, были вычеркнуты поэтом. Начал же Пушкин работу над стихотворением «Кто видел край, где роскошью природы...» на л. 38. в тетради ПД 830, а рядом, на л. 37 об., находится карандашный женский портрет. По мнению В. Д. Рака, приезд генерала Раевского с сыном Александром в Каменку оживил крымские воспоминания Пушкина и отвлек его от работы над «Кавказским пленником», наметив «ассоциативную цепочку от воспоминаний пленника и его “милого виденья” (л. 36) к личным воспоминаниям поэта, которые не могли не возвращать его к счастливым дням, проведенным в Гурзуфе» (13, 27). При внимательном рассмотрении женского портрета угадываются знакомые черты Екатерины Раевской (тяжеловатый подбородок, твердая резкая линия носа и неукротимый локон), которую Пушкин неоднократно рисовал в своих тетрадях (14, 254-258; 15, 76-86). Вероятно, тут же родился стих: «Нашед <?> меня в листах воспоминанья», который записан карандашом под портретом, а позднее вычеркнут, может быть, после того как он развился в набросок «Когда в

листах воспоминанья...» на л. 39. Вскоре этот же мотив «воспоминания» возникнет и в стихотворении «(Если) с нежной красотой...» (л. 45).

Откуда же появляется в наброске тема «жертвы тайного страдания»? Возможно, она связана с известием о помолвке М. Ф. Орлова и Ек. Н. Раевской. Свадьба их была назначена на 15 мая 1821 г., однако событие это в пушкинском окружении начали обсуждать гораздо раньше. Уже 23 февраля 1821 г. А. И. Тургенев сообщал новость П. А. Вяземскому, добавляя, что по этой дочери генерала Раевского «вздыхал поэт Пушкин» (16, 168). Тема предстоящей женитьбы М. Ф. Орлова иронически обыгрывается в пушкинском послании к «В. Л. Давыдову» («Меж тем как генерал Орлов...») (стихотворение датируется 1–9 апреля 1821 г.). По мнению Т. Г. Цявловской, Пушкин, который в то время был сам увлечен Раевской, писал эти строки, «утоляя свое ревнивое раздражение» (17, 311). 7 мая 1821 г., сообщая А. И. Тургеневу о женитьбе Орлова, поэт с досадой замечал: «Голова его тверда; душа прекрасная; но чорт ли в них? Он женился; наденет халат и скажет: *Beatus qui procul...* <Блажен тот, кто вдали... – *лат.*>» (7, 29, 522). Несколько месяцев спустя, 12 ноября 1821 г., Екатерина Николаевна писала брату Александру из Кишинева, где она обосновалась с мужем: «Пушкин больше не корчит из себя жестокого, он очень часто приходит к нам курить свою трубку и рассуждает или болтает очень приятно» (18, 34).

Таким образом, предположение о том, что стихотворение «(Если) с нежной красотой...» связано с именем Ек. Н. Раевской, кажется нам наиболее вероятным. Однако в заключение отметим, что, несмотря на автобиографичность южной лирики Пушкина, установление адресата ряда стихотворений этого периода носит достаточно условный характер, а каждая из научных версий имеет право на существование лишь в качестве гипотезы.

1. См.: Бонди С. М. «Если с нежной красотой». (Новое альбомное стихотворение Пушкина) // Бонди С. М. Новые страницы Пушкина: Стихи, проза, письма. - М., 1931.
2. См.: Кибальник С. А. Русская антологическая поэзия первой трети XIX в. - Л., 1990.
3. См.: Фомичев С. А. Записная книжка Пушкина ПД 830 (История заполнения: л. 43–66 об.) // Пушкин: Исследования и материалы. - СПб., 2003. - Т. 16–17.
4. Рукою Пушкина // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. - М., 1997. - Т. 17 (доп.).
5. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. - М., 1974. - Т. 1.
6. См.: Майков Л. Н. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. - СПб., 1899.
7. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. - М.; Л., 1937. - Т. 13.
8. ПД, ф. 244, оп. 17, № 122, л. 25.
9. Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. - СПб., 1999.
10. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. — М.-Л., 1937. — Т. 2.
11. Историю вопроса см.: Иезуитова Р. В. «Утаенная любовь» в жизни и творчестве Пушкина // Утаенная любовь Пушкина. - СПб., 1997.
12. Томашевский Б. В. «Таврида» Пушкина // Утаенная любовь Пушкина. — СПб., 1997.
13. Рак В. Д. Записная книжка Пушкина ПД 830 (История заполнения: л. 1–42 об.) // Пушкин: Исследования и материалы. — СПб., 2003. — Т. 16–17.
14. Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. — СПб., 1996.
15. Галушко Т. К. «Раевские мои...». — Л., 1991.
16. Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2: Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1820–1823. — СПб., 1899.
17. Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. 4-е изд. — М., 1986.
18. Гершензон М. О. История молодой России. — М.; Пг., 1923.

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

**Науковий вісник
Ізмаїльського державного
гуманітарного університету**

Збірник наукових праць

Спецвипуск

18

Ізмаїл - 2005